

И. Е. Воробей¹, Л. Н. Хаховская², О. А. Митько³

¹ *Магаданский областной краеведческий музей
ул. К. Маркса, 55, Магадан, 685000, Россия*

² *Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН
ул. Портовая, 16, Магадан, 685000, Россия*

³ *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

hahovskaya@neisri.ru, omitis@gf.nsu.ru

ОГНЕВЫЕ ПРИБОРЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ИНВЕНТАРЕ КОРЯКОВ СЕВЕРО-ЭВЕНСКОГО РАЙОНА МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Статья посвящена анализу комплектов огневых приборов, выявленных в ходе этнографических исследований в местах традиционного проживания корякского населения на побережье Охотского моря. В письменных источниках 60-х гг. XVIII в. встречаются упоминания о том, что огневые приборы входили в состав погребального инвентаря оленных коряков. Подобная традиция существовала в последующее время и продолжается в начале XXI в. Покойника снабжали персонально огневыми наборами, которые несут «утилитарную» функцию и в первую очередь предназначены для того, чтобы умерший мог и после смерти «насладиться» табачным дымом. Какие-либо иные, специфически ритуальные функции не зафиксированы. В качестве «посылок» для ранее умерших огневые приборы также не предназначались. Наличие в огневом наборе серы обнаружено только у верхнепареньских коряков. Уже в XX в. снабжение покойников полными наборами огневых приборов стало архаичным и непостоянным элементом обряда, что выражается в их замене спичками. Вместо ряда элементов огневого прибора могут также использоваться их символические заместители: металлическая модель серницы, металлическая модель кресала, каменные нефункциональные фрагменты («кремни»). Вопрос об оригинальном включении в состав набора мелких обсидиановых чешуек дебитаж предполагает в качестве одного из объяснений семантическую мотивацию, связанную с появлением аналогичных кремневых чешуек в результате механического взаимодействия функциональных кремней с металлическим кресалом.

Ключевые слова: палеоазиаты, коряки, оленеводы, кресала, огневые приборы, сумочки для хранения кремней и кресал, ритуальный комплекс.

В рамках изучения такой фундаментальной темы, как взаимосвязь «человек – огонь» в ее историческом развитии особое значение имеет комплексное исследование культуры народов крайнего северо-востока Азии, сохранивших в бытовой, хозяйствен-

ной и обрядовой сфере немало архаичных черт. Данная работа – продолжение аналитического описания коллекций корякских огневых приборов ударного действия на основе использования металлических кресал [Воробей и др., 2013]. Ее целью является

* Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.702.2014/К; О. А. Митько); гранта РГНФ (проект № 14-01-0061а; Л. Н. Хаховская).

Воробей И. Е., Хаховская Л. Н., Митько О. А. Огневые приборы в погребальном инвентаре коряков Северо-Эвенского района Магаданской области // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. С. 100–110.

ввод в научный оборот новых сведений по огневому приборам ударного действия на основе использования металлических кресал, что позволяет рассмотреть семантический контекст их перехода из «мира профанного» в «мир сакрального».

Комплекты пяти огневых приборов, входящие в состав инвентаря, персонально подготовленного для будущего погребения конкретных людей, были зафиксированы у жителей Северо-Эвенского района Магаданской области одним из авторов данной публикации в ходе проведения полевых этнографических изысканий в 2005 и 2011 гг. Все владельцы погребальных вещей являлись бывшими оленеводами совхоза «Пареньский», центральная усадьба которого в советское время была расположена в с. Чайбуха, а отделения находились в селах Верхний Парень и Тополовка. В настоящее время многие бывшие оленеводы переехали в районный центр (пос. Эвенск).

Летом 2005 г. в пос. Эвенск у корячки Мулиной Любови Александровны, 1962 г. р. был приобретен для Магаданского областного краеведческого музея погребальный комплект, состоящий из нескольких предметов. Среди них ножи (кроильный и хозяйственные в ножнах), бисерные нашивки на погребальную кухлянку и «жевачка» (*ванав*) из смолы лиственницы. «Жевачка» (так назвала ее владелица) представляет собой множество отдельных кусочков застывшей смолы различного размера, завязанных в лоскут ткани, сшитый уголкем (МОКМ, инв. № КП–31798/11). Изготовлен уголок, по сведениям владелицы, в 1960–1970-е гг., в то время, когда подбирался похоронный инвентарь.

Помимо этого, в состав приготовленного для погребения инвентаря входила связка мелких предметов (МОКМ, инв. № КП–31800/1–7), состоящая из расшитого бисером чехла для табакерки (рис. 1, 1), модели коврика (рис. 1, 2), трех меховых мешочков (рис. 1, 3–5), латунного наперстка (рис. 1, 6), бусины (рис. 1, 7) и железного кресала (рис. 1, 8).

Кресало, прикрепленное на ровдужный ремешок, относится к типу цельнометаллических, однолезвийных кресал калачевидной формы. Кованое, без язычка, с длинным подпрямоугольным выступом на ударном лезвии. Дуги высоко подняты, концы завиты, междузубовый зазор отсутствует, разме-

ры $35 \times 47 \times 5-7$ мм (рис. 1, 8). Типологически оно соответствует кресалам русского времени, получившим распространение на всей территории Сибири. Типологически оно соответствует кресалам русского времени, получившим распространение на всей территории Сибири. Наряду с другими похоронными вещами, кресало являлось принадлежностью женского погребального комплекса. По сведениям владелицы, оно полагалось покойной для того чтобы можно было курить в загробном мире. Поэтому кресало, как и табакерка, не случайно включено в состав связки – курение табака было широко распространено среди коряков.

В августе 2011 г. в с. Верхний Парень у корячки Инылив (урожденная Кутнаут) Светланы Анатольевны, 1963 г. р., зафиксировано кресало аналогичного типа. Оно отличается от вышерассмотренного лишь отсутствием выступа на ударном лезвии. Размеры 33×43 мм (рис. 2). Оно хранилось в большом холщовом мешке, вместе с другими атрибутами для похорон женщины (расшитый бисером подол гагагли, два мешочка, заготовка для пояса, пряжка для пояса, наперстки, накосник).

У жительницы этого же села корячки Инылив Ульяны Явьековны, 1938 г. р., также был осмотрен и описан похоронный гардероб. Связка погребальных предметов включала пояс (рис. 3, 1), два небольших мешочка, украшенных бисером (рис. 3, 2–3) и кресало (рис. 3, 4). В мешочках находились различные атрибуты. В одном из них (рис. 3, 2) хранились обломок пластмассовой расчески и полиэтиленовый мешочек с выпавшими при жизни зубами владелицы. Среди предметов, находившихся в другом мешочке (рис. 3, 3) – завязка из красной ткани (рис. 3, 3а), отщеп кремнистого сланца¹ коричневато-зеленоватого цвета размером 32×39 мм, с приклеившимся к нему кусочком смолы того же цвета (рис. 3, 3б), отдельный кусочек смолы красно-коричневатого цвета (рис. 3, 3в), мелкий кристалл самородной серы желтого цвета с зеленым оттенком (рис. 3, 3г).

В свою очередь, в завязке содержались два кусочка трута, обломки кристаллов самородной серы, кусочек смолы с мелкими

¹ Определение пород производилось по фотографиям, консультация получена у д-ра геол.-минерал. наук И. Л. Жулановой.

Рис. 1 (фото). Связка погребальных предметов Л. А. Мулиной (пос. Эвенск): 1 – чехол для табакерки; 2 – модель коврика; 3–5 – мешочки; 6 – латунный наперсток; 7 – бусина; 8 – железное кресало (1–5 – ткань, мех, бисер; все без масштаба)

Рис. 2 (фото). Железное кресало из состава погребальных предметов С. А. Инылив (с. Верхний Парень) (без масштаба)

фрагментами содержимого, а также осыпь охристой породы (предположительно лимонита), бисер бело-голубого цвета и самодельная алюминиевая чашечка с короткой рукоятью размером 24×17 мм (рис. 3, 3д).

Кресало относится к типу комбинированных с прямым ударным лезвием подпрямоугольной формы (размеры 72×37 мм) и держателем, изготовленным из сложенного вдвое лоскута плотной кожи морского животного таким образом, что свободным оставлен продольный край лезвия примерно на $\frac{1}{4}$ его ширины. На лицевую сторону из-

делия поверх края держателя наложена узкая полоска из желтого металла, с отверстиями на концах. Все три детали скреплены с помощью двух медных штифтов, концы которых расклепаны на обеих сторонах изделия (рис. 3, 4а). На оборотной стороне кожа в местах клепки порвалась и уже не удерживается (рис. 3, 4б). В центре верхнего края изделия имеется отверстие, сквозь него пропущено звено цепочки, на которой подвешено кресало. В состав погребального инвентаря входила табакерка, помещенная в чехол, что, по сообщениям информаторов, объясняло необходимость присутствия кресала на похоронном поясе.

У. Я. Инылив умерла 26 августа 2011 г. и была погребена два дня спустя по традиционному для коряков обряду трупосожжения. Приготовленный для похорон инвентарь был сожжен вместе с владелицей.

Два комплекта огневых приборов были зафиксированы в августе того же года среди погребального инвентаря семьи коряков Эквининых, также проживающих в с. Верхний Парень. Мужской похоронный комплект, в состав которого входит связка с огневым прибором, принадлежал Эквину Ивану Ивановичу, 1960 г. р. В связке находились: алюминиевая ложка (рис. 4, 1), модель кресала (рис. 4, 2), три мешочка (рис. 4, 3–5)

Рис. 3 (фото). Связка погребальных предметов У. Я. Инылив (с. Верхний Парень): 1 – пояс; 2–3 – мешочки с погребальным инвентарем; 3а – завязка из мешочка 3; 3б – отщеп кремнистого сланца из мешочка 3; 3в – смола из мешочка 3; 3г – кристалл самородной серы из мешочка 3; 3д – содержимое завязки (трут, кристаллы самородной серы, смола, бисер, алюминиевая чашечка); 4 – железное кресало (4а – передняя сторона, 4б – оборотная сторона) (все без масштаба)

Рис. 4 (фото). Связка погребальных предметов И. И. Эквинина (с. Верхний Парень): 1 – ложка; 2 – модель кресала; 3–5 – мешочки; 6 – модель снеговывивалки (1, 6 – алюминий; 2 – железо; 3–5 – ткань, мех, бисер; все без масштаба)

Рис. 5 (фото). Погребальные предметы из связки И. И. Эквинина (с. Верхний Парень): 1 – мешочек; 2 – содержимое завязки из мешочка: трут, смола, обсидиановый отщеп, обломок вулканической породы; 3 – модель железного кресала (все без масштаба)

Рис. 6 (фото). Связка погребальных предметов Н. И. Эквиной (с. Верхний Парень): 1–5 – меховые мешочки; 6–8 – марлевые завязки (все без масштаба)

и модель снеговывивалки (изготовлена из черенка алюминиевой ложки) (рис. 4, 6). Один из мешочков оказался пустым, в другом в качестве «табакерки» находилась круглая жестяная коробочка из-под вазелина. В третьем мешочке (рис. 4, 3; 5, 1) хранилась марлевая завязка со следующим содержимым: кусочек трута, круглый кусочек

смолы, обломок вулканической породы (предположительно риолит или туф) (рис. 5, 2). Модель «двулезвийного» кресала (размеры 41×27 мм) представляет собой прямоугольную стальную пластину с прямоугольным же вырезом по центру. Она вырублена зубилом из тонкого листа металла, края неровные и плохо обработаны, крепилась к по-

гребальной связке с помощью черного кожаного ремешка (рис. 4, 2; 5, 3).

Погребальный набор И. И. Эквинина хранится у его матери Нины Иныливы Эквиной (урожденной Хольгиной) 1933 г. р. Среди похоронных атрибутов, принадлежащих самой Н. И. Эквиной, кресала не было, но обнаружили другие, второстепенные принадлежности из состава огневого прибора. В одном из пяти связанных между собой мешочков (четыре других мешочка были пусты) (рис. 6, 1–5) лежали три марлевые завязки (рис. 6, 6–8).

В первой завязке (рис. 6, 6) находились три мелких кристалла самородной серы, во второй (рис. 6, 7) – кусочек трута, округлый кусочек смолы, обломки вулканической породы (максимальная величина до 10 мм), около 20 мелких обсидиановых отщепов и чешуек (максимальная величина от 2 до 8 мм), в третьей (рис. 6, 8) – два кусочка трута, округлый кусочек смолы, обломок вулканической породы и несколько таких же мелких отщепов и чешуек из обсидиана.

Помимо связки из мешочков, в состав предназначенного для похоронного обряда инвентаря Н. И. Эквиной входила деревянная коробочка с орнаментированной крышкой (рис. 7, 1). В коробочке наряду с тремя незавершенными костяными наперстками находились кусочек трута (рис. 7, 2) и дистальный фрагмент обсидиановой 3-гранной пластинки с вентральной чешуйчатой ретушью по двум маргиналам (размеры 43 × 14 мм) (рис. 7, 3).

Можно заметить, что в состав большинства из рассмотренных комплектов входит мешочек, в котором содержится трут. Как

правило, его сопровождают каменные фрагменты, кусочки смолы, а в двух случаях самородная сера. «Огневой» характер содержимого подобных мешочков очевиден; вполне понятна и их связь с кресалом.

Таким образом, в погребальном инвентаре верхнепареньских коряков обнаруживаются разной степени полноты наборы для высекания огня. Наиболее полный по составу комплект, принадлежавший У. Я. Иныливу, содержал не только кресало, отщеп кремнистого сланца (по размерам вполне соответствующий функциональному кремню), трут и серу, но и маленькую самодельную чашечку, которую можно рассматривать как модель серницы. Тем не менее эти наборы представляют собой скорее «перечень компонентов», нежели готовый к функционированию комплект: в них включены модели серницы и кресала, сопутствующая первичному сбору серы осыпь лимонита, нефункциональные по размеру и петрофизическим свойствам небольшие фрагменты риолита или туфа, чешуйки, мелкие отщепы и фрагмент пластинки с ретушью из обсидиана.

Пользователями корякских погребальных огневых наборов были и мужчины, и женщины. В пояснениях информаторов присутствие металлических кресал обычно связывается с потребностью курения табака и после смерти. Наличие других элементов огневых приборов обусловлено воспроизведением традиций. Они, по представлениям коряков, должны были обеспечить добывание огня в загробной жизни владельца. При этом сопряженная с огневыми принадлежностями смола могла быть предназначена

Рис. 7 (фото). Деревянная коробочка с погребальными предметами Н. И. Эквиной (с. Верхний Парень): 1 – коробочка; 2 – трут; 3 – фрагмент обсидиановой пластинки (все без масштаба)

и для иных целей. Согласно некоторым данным, кроме обычного жевания, широко распространенного на крайнем северо-востоке Азии², умершему клали смолу для того, чтобы в потустороннем мире он мог безошибочно опознать своих предков [Лебедев, Симченко, 1983. С. 66] либо заклеивать рты «говорливым» сородичам [Grimoto, 2004. P. 177].

Включенные в состав огневых наборов природные материалы происходят из различных, в том числе и относительно удаленных, источников. Понятно, что возможная территория их освоения была значительна и определялась совокупностью кочевых маршрутов верхнепареньцев.

Возможные источники добычи коряками самородной серы были проанализированы в отдельной статье [Воробей и др., 2013. С. 260]. В вязи с крайней редкостью указаний об использовании аборигенами конкретных источников самородной серы, имеет смысл привести обнаруженные дополнительные свидетельства. Подтверждение того, что упомянутое туромчинское месторождение в бассейне р. Гижига было известно местным жителям по меньшей мере с конца XIX в., находит подтверждение в полевом дневнике Д. Л. Иохельсон-Бродской, участницы Джузуповской экспедиции. Десятого августа 1901 г. (по старому стилю), во время перехода из Гижиги на Колыму, участники экспедиции «стали спускаться к другой реке Чир, притоку реки Тур[о]мчи <...> В оврагах этой речки находят серу, отсюда и название реки Чир, что значит сера»³. О проявлении серы в районе бассейна р. Белая (левый приток р. Анадырь) сообщает работавший в Анадырском крае в 1912–1913 гг. геолог П. И. Полевой: «В правом притоке Энмувзема, по реке Серной, чукчи собирают самородную серу, из которой готовят спички собственного производства <...> в моей коллекции имеется небольшое количество ее, доставленное мне Усть-Бельским чукчей Никоном – лучшим переводчиком в крае» [1915. С. 113].

² Помимо коряков, смолу употребляли, например, чукчи, что нашло отражение и в аборигенных рисунках [Богораз, 1913. С. 412. Рис. 13]. Жевание смолы лиственницы как способ сохранить здоровые зубы отмечено в середине XVIII в. у безоленных тунгусов, обитавших вблизи Охотска [Линденау, 1983. С. 60].

³ АИВР РАН. Ф. 23. Оп. 2. Д. 131. Л. 3.

Что касается качественного обсидиана, то ближайшие известные природные источники отмечены более чем в 300 км (или не менее 500 км в обход вершины Пенжинской губы) к югу от с. Верхний Парень, на Камчатке, в северной части Срединного хребта [Grebennikov et al. P. 90. Fig. 6. 1]. Однако в данном случае нет необходимости предполагать столь дальний современный перенос, так как в Северо-Эвенском районе Магаданской области отмечены находки обсидиана археологического. Несомненными подъемными артефактами в рассмотренных огневых комплексах являются единичные предметы: ретушированная пластинка возрастом не моложе неолитического и отщеп. Микро- и мелкий дебитаж, помещенный в завязки группами, на наш взгляд, в основном получен при современном расщеплении также подъемных древностей. Возможно, именно относительная редкость археологического обсидиана сыграла не последнюю роль в том, что он был использован в погребальных наборах. Учитывалось, не исключено, и некоторое внешнее его сходство с халцедонами, применявшимися в качестве функциональных огневых кремней. Вероятно, подъемным артефактом следует считать и отщеп кремнистого сланца (см. рис. 3, б).

Исторические и археолого-этнографические сведения об огневых принадлежностях в захоронениях коряков и при совершении ими погребальных обрядов, а также контактирующих с ними чукчей, эвенков и юкагиров немногочисленны. В одном из самых ранних этнографических описаний коряков, сделанных «за толмача казаком» гижигинской команды Ефремом Пургиным во второй половине 1760-х гг., говорится, что с умершим среди прочего, «без чего обойтица не можно», на установленные поверх тела санки кладут «огниво, кремь с трудом» [Косвен, 1962. С. 278].

Из контекста описания следует, что огневой набор предназначался самому погребенному. Отдельно упоминаются и «посылки», «гостинцы» прежде умершим, которые горят вместе с покойником на погребальном костре – «стрелы, ножи и прочее, у кого что случитца» [Там же. С. 279]. Однако в детальном описании состоявшихся в 1777 г. похорон коряцкого старшины Моехута Нококова, сделанном также в Гижигинской крепости со слов разночинцев Григория и Ивана Поповых, огневые принадлежности

не упоминаются; при том, что с покойником было отправлено «табаку с четверть фунта», по примечанию Т. Шмалева – «прежде умерших родственников поподчивать» [Там же. С. 290–291]. Старшина был похоронен на зимних кочевьях недалеко от устья Гижиги, «над рекою Обвековою» (современная р. Авекова)⁴, однако в весеннее и летнее время он кочевал в 200 км к северо-востоку, на реках Тылхое и Парэни (см. сведения, полученные десятью годами ранее [Там же. С. 281–282])⁵. Не видим мы огневого набора и в описанном Я. И. Линденау погребальном ритуале коряков северо-западного побережья Охотского моря 1740-х гг. [1983. С. 122]⁶.

Другие свидетельства относятся уже к XX в. Описывая похороны девочки-младенца береговыми коряками из с. Каменское, В. И. Йохельсон сообщил, что рядом с ней, среди прочего, положили фрагмент кресала для высекания огня. Также с девочкой для передачи недавно умершим была отправлена жвачка из листовенничной смолы [Jochelson, 1905. P. 111–112].

В. В. Горбачева, характеризуя погребальную обрядность коряков Камчатки, отмечала наличие огневых принадлежностей в погребальном инвентаре мальчика, которому на перевязь «подвешивали игольник, кусочек с серой от спичечного коробка и кусок спички с серой» [2004. С. 84]. При захоронении взрослых к перевязи или поясу «привязывали (или пришивали) три, а иногда больше, маленьких мешочка, с серой от листовенницы, кресалом, кремнем или кусочками спичек для добывания огня в потустороннем мире» [Там же. С. 89].

Кресало среди сложенных в мешок вещей покойного упоминается в описании коряцкого похоронного обряда. Оно представляет собой общую, известную на то время историографическую канву коряк-

ской погребальной обрядности, с вплетенной в нее информацией о похоронном обряде воямпольских береговых коряков Камчатки, собранной в 1976 г. [Горбачева, Мастюгина, 1980. С. 217].

И. С. Гурвич, наблюдавший в начале 1980-х гг. похороны берегового коряка в пос. Манила Пенжинского района Коряцкого автономного округа, в составе сопроводительного инвентаря отметил особый мешочек. В нем находились «огниво и янтарь (покупной), заменявший, по словам информаторов, красный красящий камень, очевидно охру» [1987. С. 81].

В с. Белоголовое у переведенных на оседлость оленных коряков центральной Камчатки Е. П. Орлова, в числе прочих погребальных принадлежностей, приобрела сшитый в 1942 г. «мешочек <...> для спичек в дорогу покойнице», в который «был вложен пучок серных спичек с розовыми головками» [1974. С. 357].

Описывая погребальную обрядность ачайваемских коряков по наблюдениям, сделанным в 2005 г., В. В. Горбачева отметила прикреплявшийся к поясу набор маленьких мешочков из шкуры оленя, украшенных бисером и бахромой. В них находились «кремень, кресало, гнилушка дерева, спичка или серная головка, олений жир, сера от листовенницы, табак» [2012. С. 56]. Необходимо подчеркнуть, что огневые принадлежности находились именно в мешочках (в мешочке?), что может объяснить тот факт, почему огневой набор далеко не всегда упоминался наблюдателями в составе сопроводительного инвентаря. Заметна и сопряженность огневых принадлежностей с табаком и листовенничной смолой.

Приведенные выше и пока еще немногочисленные данные позволяют сделать ряд выводов. Так включение огневых приборов ударного действия в состав погребального инвентаря оленных коряков отмечено еще в 60-е гг. XVIII в. Подобная практика являлась обычной для оленных и береговых коряков в XIX и XX вв. и продолжает существовать в начале XXI в. Покойники снабжались персонально огневыми наборами, которые несут «утилитарную» функцию и в первую очередь предназначены для того, чтобы умерший мог после смерти наслаждаться табачным дымом. В состав «посылок» для ранее умерших они не входили. Также не зафиксированы и какие-либо спе-

⁴ Возможно, его зимние кочевья охватывали и несколько более южную территорию на п-ове Тайгонос. (РГВИА. Ф. 14808. 1753–1850 гг. Д. 73. Л. 11 об.).

⁵ Судя по всему, родственники старшины летовали на Парэни и после его смерти (Там же. Л. 3, 5). В 1783 г. на р. Парэнь промышляла рыбу «женка Муехутиха», а среди коряков, «убегших з домами и аленными табунами» от Гижигинской крепости, значится «вдова мать Муехутова» (Там же. Д. 110. Л. 168).

⁶ К сожалению, Я. И. Линденау здесь только упоминает «вещи» покойника, но никак не детализирует состав сопроводительного инвентаря.

цифически ритуальные функции, содержание которых, на наш взгляд, могло быть забыто. Наличие в огневом наборе серы обнаружено только у верхнепареньских коряков.

В XX в. снабжение покойников огневыми приборами с металлическими кресалами стало уже архаичным и непостоянным элементом обряда, что выражалось в использовании спичек⁷. Вместо ряда элементов огневого набора могут использоваться их реальные и символические заместители: металлическая модель серницы, металлическая модель кресала, каменные нефункциональные фрагменты («кремни»). Неясным остается вопрос об оригинальном включении в состав набора мелких обсидиановых чешуек дебитаж. В качестве одного из объяснений можно предположить семантическую мотивацию, связанную с появлением аналогичных чешуек в результате механического взаимодействия функционального кремня с металлическим кресалом.

Список литературы

Богораз В. Г. Чукотские рисунки // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. 397–419.

Воробей И. Е., Хаховская Л. Н., Митько О. А. Корякские огневые приборы ударного действия // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 246–264.

Горбачева В. В. Обряды и праздники коряков. СПб.: Наука, 2004. 152 с.

Горбачева В. В. Традиционные черты в современной похоронно-поминальной обрядности у оленеводов ачайваямской группы // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 51–63.

Горбачева В. В., Мастюгина Т. М. Похоронная обрядность. Коряки // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 216–221.

Гурвич И. С. Новые данные по традиционной обрядности коряков // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–84.

Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в. // Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып. 4. С. 277–291.

Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. М.: Мысль, 1983. 143 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Орлова Е. П. Обряд погребения и погребальная одежда коряков Камчатской области // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 350–359.

Полевой П. И. Анадырский край. Ч. 1: Главнейшие результаты анадырской экспедиции // Тр. Геологического комитета. Новая серия. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. Вып. 140. 137 с.

Grebennikov A. V., Popov V. K., Glascock M. D., Speakman R. J., Kuzmin Y. V., Ptashinsky A. V. Obsidian Provenance Studies on Kamchatka Peninsula (Far Eastern Russia): 2003–9 Results // Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific Rim. Oxford, 2010. P. 89–120.

Irimoto Takashi. The Eternal Cycle: Ecology, Worldview and Ritual of Reindeer Herders of Northern Kamchatka. Osaka, Japan: National Museum of Ethnology, 2004. 308 p.

Jochelson W. The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition Publications. Vol. VI. Part. I–II. Memoirs of the American Museum of Natural History. N. Y.; Leiden: E. J. Brill; N. Y.: G. E. Stechert & Co., 1905. XV. 842 p.

Список источников

АИВР РАН. Ф. 23. Оп. 2. Д. 131.

РГВИА. Гижигинская крепость и учреждения военно-гражданской администрации г. Гижигинска. 1753–1850 гг. Д. 73, 110. Л. 3, 5, 11, 168.

⁷ В значительной мере это явление находит возможное объяснение прекращением производства металлических кресал. Не исключено, что на определенном этапе, даже при наличии металлических кресал, в целях их сбережения, в качестве функционального заместителя могли использоваться спички, намного более «эффективные», нежели заместители-модели.

I. E. Vorobey¹, L. N. Khakhovskaya², O. A. Mitko³

¹ Magadan Regional Studies Museum
55 Karl Marks Ave., Magadan, 685000, Russian Federation

² North-Eastern Scientific Center FEB RAS
16 Portovaya Str., Magadan, 685000, Russian Federation

³ Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

FIRE-MAKING APPARATUS IN THE FUNERAL INVENTORY KORYAK NORD-EVEN DISTRICT OF MAGADAN REGION

Purpose. This article analyzes sets of fire-making apparatus in the set of funeral accessories Koryak. Paper is a continuation of the analytical description of collections Koryak firing percussion instruments. They are found in 2005 and 2011 at ethnographic field studies. The study area – places of traditional residence Koryak on the coast of the Okhotsk Sea. Altogether, there were five sets and described firing devices and their constituent individual elements. Burial things belonged to both men and women. In soviet times, they were herders farm «Parén'sky». They currently live in the village of Even, the center of the North-Even District Magadan region.

Results. The presence of fire percussion instruments in the burial inventory Koryak reindeer observed as early as 60 years of the XVIII century. This action was a common ritual for deer and coastal Koryaks in the XIX and XX century. It exists at the beginning of the XXI century. In the funeral inventory verhneparén'skih Koryak found different sets for striking fire. The most complete set belonged Koryak woman Inyliv W. Ya. It contained fire-steel, piece of flint, tinder, sulfur and a small cup. They were kept in a small purse, hanging belt. She died August 26, 2011. She was buried two days later for the traditional rite Koryak burning body on fire. Inventory prepared for burial were burned along with the dead woman. Koryak prepared fire-making apparatus, as well as other grave goods, long before his death. They were needed to the deceased after death could smoke tobacco. They were not intended as a «parcel» of the previously deceased relatives. Any other specific ritual functions are not fixed. Sulfur in the firing set was found in only verhneparénskikh Koryak. Instead of separate elements of the fire-making apparatus can be used fire their deputies: metal box model for sulfur model fire steel, stone nonfunctional «flint», stone of obsidian. The article noted the connection tobacco tar and fat deer to give fire. On the sources of production Koryak brimstone author reported in a separate article. Nearest natural sources of obsidian marked more than 300 km from the dwelling places Koryak. Therefore Koryak North-Evenk district used archaeological obsidian. Obsidian found on the surface of the tundra areas with poor vegetation.

Conclusion. In XX century, the supply of the dead such fire-making apparatus, have become archaic and non-permanent member of the burial rite. Instead began to use fire steel matches. In terms of a standard match much «effective» compared to real fire steel or different substituents.

Keywords: Paleoasian people, the Koryak, reindeer-breeders, fire steel, fire-making apparatus, pouch with flint and steel, ritual complex.

References

Bogoraz V. G. Chukotskie risunki [Chukchi drawings]. *Sbornik v chest' semidesyatiletiya professora Dmitriya Nikolaevicha Anuchina* [Book with scientific articles in honor of the seventieth anniversary of Professor Dmitry Nikolayevich Anuchin], Moscow, 1913, p. 397–419. (in Russ.)

Vorobey I. E., Khakhovskaya L. N., Mitko O. A. Koryakskie ognevye pribory udarnogo deistviya [Koryak fire-making apparatus]. *Vestnik Novosib. Gos. Un-ta. Seriya: Istoriya, Filologiya*. 2013, t. 12, vyp. 7: *Arkheologiya i etnografiya*. [Bulletin of the Novosib. St. Univ. Series: History, Philology]. 2013, vol. 12, iss. 7: Archaeology and Ethnography, p. 246–264. (in Russ.).

Gorbacheva V. V. Obryady i prazdniki koryakov [Koryak ceremonies and holidays]. St.-Petersburg, Nauka, 2004, 152 p. (in Russ.)

Gorbacheva V. V. Traditsionnye cherty v sovremennoi pokhoronno-pominal'noi obryadnosti u olenevodov achainvayamskoi gruppy [Traditional features in modern funeral and memorial rites reindeer herders Achayvayam group]. *Muzei. Traditsii. Etnichnost'* [Museum. Tradition. Ethnicity], 2012, no 2, p. 51–63. (in Russ.)

Gorbacheva V. V., Mastyugina T. M. Pokhoronnaya obryadnost'. Koryaki [Funeral rites. Koryak]. *Semeinaya obryadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo uzucheniya* [Family ritual peoples of Siberia. Experience a comparative study], Moscow, Nauka, 1980, p. 216–221. (in Russ.)

Gurevich I. S. Novye dannye po traditsionnoi obryadnosti koryakov [New data on the traditional ritual Koryak]. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 75–84. (in Russ.)

Kosven M. O. Iz istorii i etnografii koryakov v XVIII v. [From the history of the Koryak ethnography in XVIII century]. *Sibirskii etnograficheskii sbornik*. [Siberian ethnographic collection]. Moscow, AN USSR Publ., 1962, iss. 4, p. 277–291. (in Russ.)

Lebedev V. V., Simchenko Yu. B. Achainvayamskaya vesna [Achainvayam spring]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, 143 p. (in Russ.)

Lindenau Ya. I. Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the peoples of Siberia (first half of the XVIII century): Historical and ethnographic information on peoples of Siberia and North-East], Magadan, Boock Publ., 1983, 176 p. (in Russ.)

Orlova E. P. Obryad pogrebeniya i pogrebal'naya odezhda koryakov Kamchatskoi oblasti [Burial rites and burial clothing Koryak Kamchatka region]. *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri* [Bronze and Iron Age Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1974, p. 350–359. (in Russ.)

Polevoi P. I. Anadyrskii krai. Chast' I. Glavneishie resul'taty anadyrskoi ekspeditsii. [Anadyr region. Part I. The main results Anadyr expedition with]. *Trudy geologicheskogo komiteta. Novaya seriya. Vyp. 140*. [Proceeding of the Geological Committee. New series. Iss. 140]. Petrograd, M. M. Stasyulevich Publ., 1915, 137 p. (in Russ.)

Grebennikov A. V., Popov V. K., Glascock M. D., Speakman R. J., Kuzmin Y. V., Ptashinsky A. V. Obsidian Provenance Studies on Kamchatka Peninsula (Far Eastern Russia): 2003–9 Results // Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific Rim. Oxford, 2010, p. 89–120.

Irimoto Takashi. The eternal cycle: ecology, worldview and ritual of reindeer herders of Northern Kamchatka. Osaka, Japan, National Museum of Ethnology, 2004, 308 p.

Jochelson W. The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition Publications. Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, Leiden, G. E. Stechert & Co., 1905. XV, vol. 6, part. 1–2, 842 p.

List of sources

Arkhiv Instituta vostochnykh rukopisei [Archives of Institute of Oriental Manuscripts RAS]. F. 23. Op. 2. Sh. 131. (in Russ.)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. Gizhiginskaya krepost' i uchrezhdeniya voenno-grazhdanskoi administratsii g. Gizhiginska [Russian State Archive of Military History. Fort Gizhiginsk and institutions of civil-military administration of the city Gizhiginsk]. F. 14808, year 1753–1850, r. 73, 110, sh. 3, 5, 11, 168. (in Russ.)